

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2410-7883-2022-2-51-62

**«Чужая речь мне будет оболочкой...»:
«Лесной царь» И. В. Гёте у О. Манделъштама**

Елена Юрьевна Куликова

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

kulis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0695-7447>

Аннотация

Лирика Осипа Манделъштама непредставима без связи с гётевскими мотивами и сюжетами. В статье рассмотрена баллада И. В. Гёте «Лесной царь», образы и мотивы которой отразились у Манделъштама в стихотворении «На высоком перевале...» («Фаэтонщик») и в некоторых других («В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа», «К немецкой речи»). Стихотворение «Фаэтонщик» можно назвать балладой или текстом, наделенным балладными чертами. С самого начала Манделъштамом задается балладный код: лирический герой видит фантастический сон, кружится в мистической карусели, устроенной «поденщиком дьявола». Сюжет построен на основе «Лесного царя» Гёте – Жуковского. Герои оказываются во власти страшного существа, которое влечет их в свой жуткий мир. Композиция стихотворения дает основания рассматривать эту параллель. Фаэтонщик описывается как Лесной царь, Манделъштам перечисляет важные моменты из текста Гёте и создает своего демона, описывая его внешность, голос (звуки), особенности движения (кружение / хороводы), жуткий страх героя, убивающий его.

В стихотворении «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа» уже первые строки отсылают к «Лесному царю» Гёте. Орган напоминает о лесном пространстве и, хотя это и метафора, но метафора яркая и наполненная вещественностью, как это всегда бывает у акмеистов. Шуберт – автор музыки к балладе Гёте «Лесной царь» становится прямым указанием на отсылку.

В знаменитом манделъштамовском «К немецкой речи» Гёте упомянут как пока не «пришедший», подобно и самому «не родившемуся» автору, существующему лишь в виде буквы, виноградной строчки, приснившейся книги. На первый взгляд интертекст стихотворения не касается гётевского «Лесного царя». Более того, все возможные отсылки – скорее, к Жуковскому, чем к немецкому классику (мотив полета, сна). Однако подспудно именно эта баллада становится одним из первоисточников текста «К немецкой речи». Скачущие гётевские кони у Манделъштама превращаются в лирику, в буквы. Так вся немецкая культура проступает в русской поэзии, вплавляясь в ее плоть и кровь.

Ключевые слова

И. В. Гёте, «Лесной царь», Осип Манделъштам, В. А. Жуковский, Ф. Шуберт, баллада, интертекст

© Куликова Е. Ю., 2022

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2022. № 2. С. 51–62
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2022, no. 2, pp. 51–62

Для цитирования

Куликова Е. Ю. «Чужая речь мне будет оболочкой...»: «Лесной царь» И. В. Гёте у О. Мандельштама // Сюжетология и сюжетография. 2022. № 2. С. 51–62. DOI 10.25205/2410-7883-2022-2-51-62

**“Another Speech Will Be a Shell for Me...”:
I. W. Goethe’s “Erl-King” at O. Mandelshtam’s**

Elena Yu. Kulikova

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

kulis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0695-7447>

Abstract

Osip Mandelstam’s lyrics are inconceivable without connection with Goethe’s motives and plots. The article considers I. W. Goethe’s ballad “Erl-king”, the images and motives of which were reflected in Mandelstam’s poem “On the high pass...” (“Phaeton driver”) and in some others (“That evening the ogival forest of the organ did not hum”, “To German speech”). The poem “Phaeton driver” can be called a ballad or a text endowed with ballad features. From the beginning, Mandelstam sets a ballad code: the lyrical character sees a fantastic dream, spins in a mystical carousel arranged by the “devil’s day laborer”. The plot is based on Goethe-Zhukovsky’s “Erl-king”. The characters find themselves at the mercy of a terrible creature that draws them into his creepy world. The composition of the poem gives reason to consider this parallel. The phaeton driver is described as the Erl-king, Mandelstam lists important points from Goethe’s text and creates his demon, describing his appearance, voice (sounds), movement features (circling / round dances), the terrible fear of the character that kills him.

In the poem “That evening the ogival forest of the organ did not hum” the first lines refer to Goethe’s “Erl-king”. The organ is reminiscent of a forest space and, although this is a metaphor, the metaphor is bright and filled with materiality, as is always the case with acmeists. Schubert – the author of the music for Goethe’s ballad “Erl-king” becomes a direct indication of the reference.

In the famous Mandelstam’s “To the German Speech” Goethe is mentioned as not yet «come», like the “unborn” author himself, existing only in the form of a letter, a grape line, a dream book. At first glance, the intertext of the poem does not refer to Goethe’s “Erl-king”. Moreover, all possible references are rather to Zhukovsky than to the German classic (the motive of flight, dream). However, implicitly this ballad becomes one of the primary sources of the text “To German speech”. Galloping Goethe’s horses at Mandelstam’s turn into lyrics, into letters. So the whole German culture comes through in Russian poetry, melting into its flesh and blood.

Keywords

J. W. Goethe, “Erl-king”, Osip Mandelstam, V. A. Zhukovsky, F. Schubert, ballad, intertext

For citation

Kulikova E. Yu. “Another Speech Will Be a Shell for Me...”: I. W. Goethe’s “Erl-King” at O. Mandelshtam’s. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2022, no. 2, pp. 51–62. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2022-2-51-62

Русскую литературу Серебряного века невозможно представить без гётевского пласта, ставшего неотъемлемой частью лирики и прозы поэтов и писателей начала XX в. Для символистов творчество и сам образ Гёте служили ярким ориентиром, как и вся немецкая романтическая культура. И лирика акмеистов, в особенности Осипа Мандельштама, непредставима без связи с гётевскими мотивами и сюжетами.

В монографии «Валгаллы белое вино...» Генрих Киршбаум рассматривает немецкую тему в поэзии Мандельштама, не только комментируя особенности радиопьесы Мандельштама «Молодость Гёте» и упоминания Гёте, переключки с его творчеством и гётевские подтексты¹ в произведениях Мандельштама («К немецкой речи», «Американка», «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа», «Пшеница человеческая», «Девятнадцатый век» и др.), но и обосновывая философское и литературно-критическое восприятие Мандельштамом немецкой поэзии второй половины XVIII – первой трети XIX в. Акмеизм, по Мандельштаму, – это «тоска по мировой культуре». «Составляющие мандельштамовской формулы восходят к идейно-художественному миру немецкой литературы конца XVIII – начала XIX века. “Тоска” представляет собой русский перевод-эквивалент тоски-томления (“Sehnsucht”) немецких преромантиков по блаженному Югу, а понятие “мировой культуры” (“Weltkultur”) отсылает к Гёте. Этот немецкий подтекст в определении акмеизма не случаен – в 1930-е годы Мандельштам интенсивно занимался Гёте; образ немецкого поэта стал ключевым в поэтическом обращении “К немецкой речи” (1932), которое начиналось с реминисценции из стихотворения Гёте “Selige Sehnsucht” (“Блаженная тоска”). Говоря именно об этом стихотворении, вдова поэта отметила, что немецкая поэзия была для Мандельштама “самая близкая” <...> Стихотворение “К немецкой речи” поэт читал на одном из своих поэтических вечеров весной 1933 года – вероятно, тогда им и были произнесены слова о тоске по мировой культуре. При этом Мандельштаму пришлось объяснять публике, что его стихотворение было написано в 1932 году, то есть во время проведения официальных торжеств по поводу столетия со дня смерти Гёте, а не в 1933-м, когда пронемецкая позиция могла быть понята неправильно» [Киршбаум, 2010, с. 6–7].

Отец Мандельштама должен был стать равнином, но воспротивился ортодоксальному воспитанию (см.: [Дутли, 2005, с. 14]). «Его притягивала немецкая культура: он даже самостоятельно выучил немецкий язык и, когда у него появилась возможность, уехал в Берлин, где изучал творчество И. В. Гёте, Ф. Шиллера и И. Г. Гердера. Однако вскоре из-за отсутствия денег он вернулся и вынужден был обучиться кожевенному мастерству, чтобы заработать на жизнь. Эпизод бегства отца в Берлин описан поэтом в его автобиографическом произведении “Шум времени”. В нем он изложил ключевые эпизоды своего становления как поэта и личности» [Корниенко, 2020, с. 80–81].

Мандельштам так описывает отца в автобиографии: «У отца совсем не было языка, это было косноязычие и безязычие. Русская речь польского еврея? – Нет. Речь немецкого еврея? – Тоже нет. Может быть, особый курляндский акцент? –

¹ См., например, объяснение первой строфы стихотворения «К немецкой речи» как цитаты из «Блаженного томления» Гёте, «из которого, скорее всего, взят образ мотылька-моли, летящей на огонь» [Киршбаум, 2010, с. 285].

Я таких не слышал. Совершенно отвлеченный, придуманный язык, витиеватая и закрученная речь самоучки, где обычные слова переплетаются со старинными философскими терминами Гердера, Лейбница и Спинозы, причудливый синтаксис талмудиста, искусственная, не всегда договоренная фраза – это было всё что угодно, но не язык, всё равно – по-русски или по-немецки» (Мандельштам, 2010, с. 222).

Интересно, однако, рассмотреть частные пересечения в лирике обоих поэтов, увидеть, как звучит Гёте в текстах Мандельштама. Сосредоточимся на балладе Гёте «Лесной царь», отразившейся у Мандельштама, главным образом, в стихотворении «На высоком перевале...»² и в некоторых других («В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа» и – несколько косвенно – в стихотворении «К немецкой речи»).

Объясняется эта переключка отчасти тем, что «Фаэтонщик» очень похож на балладу или текст, наделенный балладными чертами в большой степени. Лирический сюжет «Фаэтонщика» как будто бы откровенно замкнут на классические балладные черты немецкой или – после В. А. Жуковского, А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, – можно сказать, и русской баллады XIX в. В основе «Фаэтонщика» лежат впечатления от поездки поэта в Нагорный Карабах осенью 1930 г. и трагических событий в Шуше в 1920 г., когда в городе было вырезано 35 тысяч человек. Вот как рассказывает об этом Н. Я. Мандельштам:

Город начинался с бесконечного кладбища, потом крохотная базарная площадь, куда спускаются улицы разоренного города.

Нам уже случилось видеть деревни, брошенные жителями, состоящие из нескольких полуразрушенных домов, но в этом городе, когда-то, очевидно, богатом и благоустроенном, картина катастрофы и резни была до ужаса наглядной. Мы пошли по улицам, и всюду одно и то же: два ряда домов без крыш, без окон, без дверей.

В вырезы окон видны пустые комнаты, изредка обрывки обоев, полуразрушенные печки, иногда остатки сломанной мебели...

Говорят, что после резни все колодцы были забиты трупами. Если кто и уцелел, то бежал из этого города смерти. На всех улицах мы не встретили ни одного человека. Лишь внизу – на базарной площади – копошилась кучка народу, но среди них не было ни одного армянина.

Создалось впечатление, что мусульмане на рынке – остатки тех убийц, что разгромили город, только впрок им это не пошло: восточная нищета, чудовищные отрепья, гнойные болячки на лицах...

Мы решили ехать в Степанакерт, добраться туда можно было только на извозчике. Вот и попался нам безносый извозчик – единственный на стоянке, с кожаной нашлапкой, закрывавшей нос и часть лица.

А дальше было все точно так. Как в стихах: и мы не поверили, что он нас действительно довез до Степанакерта (Мандельштам, 1987, с. 162–163).

Балладный мотив сна тянется через весь текст, будто сжимая его в тисках: «было страшно, как во сне... Я очнулся...» (Мандельштам, 2009, с. 167–168). Этот маркер границы сон / явь – одна из характерных черт жанра, в частности баллад Жуковского. Г. Киршбаум писал, что у Мандельштама «пробуждающий “сон” литературного воспоминания генеалогически связан и с припоминанием

² Для удобства этот текст в некоторых случаях будет называться «Фаэтонщик».

“блуждающих снов” поэзии (в раннем стихотворении “Я не слышал рассказов Осиана...”) и “вечных снов” как “образчиков крови” поэзии в “Батюшкове”» [Киршбаум, 2010, с. 278]. Сон – литературный мотив для Мандельштама, как будто за ниточку вытягивающий всю культуру – и северную (скальды), и южную / восточную (в «Фаэтонщике» пир «со смертью» происходит «в мусульманской стороне»). Рассматриваемая баллада как раз все эти «ниточки» воедино и соединяет.

С самого начала Мандельштамом задается балладный код: лирический герой видит фантастический сон, кружится в мистической карусели, устроенной поденщиком дьявола. Как и в балладах Жуковского, у Мандельштама это путешествие в иной мир с мертвецом-проводником. Не случайно конечной точкой оказывается Шуша, а не Степанакерт или другие, нефантастические, города. Онейрическое пространство как будто специально завуалировано: неизвестно, во сне совершается это путешествие, или нет. То ли откликается «Людмила» (с финальной «явью» произошедших событий), то ли «Светлана» (повествование в которой строится на сновидении) Жуковского. И важно, что сюжет этих трех баллад рожден из немецкой баллады Бюргера «Ленора».

В «Фаэтонщике» отчетливо отзывается немецкая традиция, «стихия одного языка перекликается с другой через головы пространства и времени» (Мандельштам, 2010, с. 100), и это слияние позволяет выявить балладные свойства текста.

Г. Киршбаум прослеживает немецкие мотивы в армянском цикле Мандельштама («Фаэтонщика» не касаясь): «В Армении поэт говорил по-немецки, например, с профессором Хачатурьяном, познакомился и подружился с Б. С. Кузиным... биологом и большим знатоком немецкой литературы и музыки. В своих воспоминаниях Н. Я. Мандельштам отмечает: “Через увлечение Арменией пришла тяга к Гёте, Гердеру и другим немецким поэтам. Встреча с молодым биологом Кузиным, полным в то время философских и литературных интересов – всегда чуточку буршевских – могла бы пройти незамеченной где-нибудь в Москве, но в Армении шар попал в лузу. <...> Кузин любил Гёте, и это... пришлось кстати”... В связи с “Путешествием в Армению” исследователями... уже отмечались параллели в биографии Гёте и Мандельштама. Учитывая, что книга Гёте описывает бегство немецкого поэта из Германии на спасительный блаженный Юг, можно предположить, что мы имеем дело не просто с совпадениями, а с сознательной мандельштамовской интенцией-проекцией своего путешествия на Гётевское... В Армении Мандельштам перечитывает вместе с Кузиным “Фауста”, “Годы странствий Вильгельма Мейстера” и “Вертера”» [Киршбаум, 2010, с. 238–239]. Далее исследователь приводит высказывание К. Трибла, предлагающего считать армянский цикл мандельштамовским «Западно-восточным диваном» [Там же, с. 240].

Сюжет стихотворения «На высоком перевале...», как представляется, построен на основе «Лесного царя» Гёте – Жуковского. Герои оказываются во власти страшного существа, которое влечет их в свой жуткий мир. «Мандельштам давно заметил, что мы совершенно ничего не знаем о тех, от кого зависит наша судьба» (Мандельштам, 1987, с. 164), и это ощущение близко переживаниям гётевского ребенка.

Более того, именно композиция стихотворения дает основания рассматривать эту параллель. Фаэтонщик описывается как Лесной царь, Мандельштам перечис-

К 100-летию со дня рождения Юрия Николаевича Чумакова

ляет важные моменты из текста Гёте и создает своего демона: внешность, голос (звуки), движение (кружение / хороводы), жуткий страх героя, убивающий его.

Описание демона / чудовища

«Он в темной короне, с густой бородой» (Goethe, 2003, с. 3) – так переводит Жуковский строки Гёте «Den Erlenkönig mit Kron' und Schweif?» (Там же, с. 2) (подстрочник М. Цветаевой: «Отец, ты не видишь Лесного Царя? Лесного Царя в короне и с хвостом?» (Там же, с. 4)).

Фаэтонщик Мандельштама – тоже странное, нечеловеческое существо:

...Пропеченный, как изюм, –
Словно дьявола погонщик,
Односложен и угрюм...
...Под кожаную маску
Скрыв ужасные черты
(Мандельштам, 2009, с. 167–168).

Голос демона / чудовища

У Гёте – Жуковского: «Erlenkönig mir leise verspricht» (Goethe, 2003, с. 2) – «Лесной царь со мной говорит» (Там же, с. 3) – «Лесной Царь мне шепотом обещает» (Там же, с. 4).

У Мандельштама:

То *гортанный крик араба*,
То бессмысленное «цо»...
...Он куда-то гнал коляску
До последней *хрипоты*
(Мандельштам, 2009, с. 167–168).

Шепот в «Лесном царе» и хрипота в «Фаэтонщике» подчеркивают неземное происхождение голоса, он словно звучит из иного мира: *оттуда*.

Кружение

«Meine Töchter sollen dich warten schön, / Meine Töchter führen den nächtlichen Reihn / Und wiegen und tanzen und singen dich ein» (Goethe, 2003, с. 2) – «При месяце будут играть и летать, / Играя, летая, тебя усыплять» (Там же, с. 3) – «Мои дочери чудно тебя будут нянчить, / мои дочери ведут ночной хоровод, – убаюкают, упляшут, упоют тебя» (Там же, с. 4).

Хороводы, игры, которые обещает ребенку Лесной Царь, в тексте Мандельштама отзываются круговертью, связанной и с «Бесами» Пушкина: «Закружились фаэтоны... вертелась каруселью кисло-сладкая земля» (Мандельштам, 2009, с. 168). Верчение и кружение к Мандельштаму приходят из немецкой баллады Гёте и русской – Пушкина.

Земля в «Фаэтонщике» напоминает кисло-сладкое яблоко – любимый поэтом образ, часто встречающийся в поэзии и прозе Мандельштама («Державным яблоком катящиеся годы» (Мандельштам, 2009, с. 85); «Взят в руки целый мир, как яблоко простое» (Там же, с. 81); «Давайте бросим бури яблоко / На стол пирую-

щим землянам» (Там же, с. 303); «С неба упало три яблока: первое тому, кто рассказывал, второе тому, кто слушал, третье тому, кто понял» (Манделштам, 2010, с. 338); «И клятвой на песке, как яблоком, играли... грызла яблоки, с шарманкой, детвора» (Манделштам, 2009, с. 136); «Кто веку поднимал болезненные веки – / Два сонных яблока больших... / Снег пахнет яблоком, как встарь» (Там же, с. 137–138)).

И. Сурат в статье «Яблоко простое» анализирует данный образ в творчестве Манделштама: «Корень слова “яблоко” созвучен с общеславянским корнем “обл”, со словом “облый”, то есть круглый, округлый. Манделштам сознательно работал с этим корневым созвучием. “Поэтическую речь живит блуждающий, многосмысленный корень”, – писал он в “Заметках о поэзии” (1923, 1927), и его образное мышление часто мотивируется именно корневыми созвучиями... Манделштам имеет в виду то, что по-русски называлось “держава”, “державное яблоко” или “яблоко владомое”, а по-немецки “Reichsapfel” – шар-глобус из драгоценного металла, древнейший атрибут верховной власти, появившийся еще во II веке у римских кесарей и перешедший впоследствии к императорам Священной Римской империи. Эти представления отразились, например, в названии одного из самых знаменитых и старейшего из сохранившихся средневековых глобусов: “Земное яблоко” или “Erdapfel” – он был создан в Нюрнберге в конце XV века и с 1907 года по настоящий день экспонируется в нюрнбергском Национальном музее Германии (напомним, что Манделштам в 1909–1910 годах жил и учился совсем неподалеку – в соседнем Гейдельберге, вполне мог и в нюрнбергском музее побывать или что-то слышать о “земном яблоке”») [Сурат, 2009, с. 22].

Образ яблока как мира мог прийти к Манделштаму из немецкой культуры. Тогда объясним эпитет к слову *земля* в «Фаэтонщике» – «кисло-сладкая». Гётевский подтекст рождает дополнительные *немецкие* ассоциации, и след неназванного поэта в стихотворении читается по множеству отсылок к нему.

Страх

Финал «Лесного Царя» – гибель ребенка, которого забрало чудовище у Гёте, и который умер от страха в балладе Жуковского.

«Erlkönig hat mir ein Leids getan!» –
Dem Vater grauset’s, er reitet geschwind,
Er hält in den Armen das ächzende Kind,
Erreicht den Hof mit Mühe und Not
(Goethe, 2003, с. 2). –

Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать.
Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит...
(Там же, с. 3) –

Лесной Царь мне сделал больно! –
Отцу жутко, он быстро скачет,
Он держит в объятьях стонущее дитя,
доскакал до двора с трудом, через силу...
(Goethe, 2003, с. 4).

Страх лирического героя «Фазтонщика» –

Я изведал эти страхи,
Соприродные душе
(Мандельштам, 2009, с. 168) –

отзывается балладным ужасом: демонический образ возницы, сочетающего в себе и черты похитителя из «Лесного Царя», и черты мертвецов Жуковского и вообще всех призраков (проводник-мертвец – один из важных балладных образов), и черты пушкинских бесов, и, конечно, негра из «Пира во время чумы», который везет повозку с мертвецами.

В стихотворении «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа» уже первые строки отсылают к «Лесному царю» Гёте:

В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа,
Нам пели Шуберта – родная колыбель...

Шуберт, по мнению В. М. Жирмунского, метонимически представляет для Мандельштама «музыкальную стихию немецкого романтизма» [Жирмунский, 1977, с. 139]. «Мандельштам “вживается” в романтическую стихию, синтезируя мотивы и образы шубертовских песен в один метасюжет <...> Песни Шуберта характеризуются как “родная колыбель”» [Киришбаум, 2010, с. 112].

Орган напоминает о лесном пространстве и, хотя это и метафора, но метафора яркая и наполненная вещественностью, как это всегда бывает у акмеистов. А Шуберт – автор музыки к балладе Гёте – становится практически прямым указанием на отсылку. В. Галацкая пишет о романсе Шуберта, что «ритм сопровождения, его непрерывное тяжелое биение (октавные и аккордовые репетиции триолями), пронизывает балладу, скрепляет и объединяет все части целого. В эту безостановочную октавную дробь – подражание топоту коня, скачке – вклиниваются тревожно-возбужденные гаммообразные взлеты в басу. Объединяя изобразительные и выразительные приемы, Шуберт создает полную зрительно-слуховую иллюзию»³.

Ср.:

In dürrn Blättern säuselt der Wind
(Goethe, 2003, с. 2) –

в сухой листве – ветер шуршит
(Там же, с. 4, пер. М. Цветаевой) –

То ветер, проснувшись, колыхнул листы...
(Там же, с. 3, пер. В. Жуковского) –

...в песнях урагана
Смеялся музыки голубоглазый хмель
(Мандельштам, 2009, с. 101).

Ветер из гётевской баллады Мандельштам превращает в ураган музыки: это не слова лесного царя, а шубертовский напев, рожденный из звуков природы.

³ Галацкая В. Шуберт. Песня «Лесной царь». URL: https://www.belcanto.ru/schubert_erlkonig.html (дата обращения 30.08.2022).

Вторая строфа оказывается откровенно гётевской: мир леса запечатлен Гёте так, что остается навеки в памяти читателей и слушателей (вечно молодой), ярость лесного царя телесна и осязаема:

Старинной песни мир – коричневый, зеленый,
Но только вечно молодой,
Где соловьиных лип рокошующие кроны
С безумной яростью качает царь лесной
(Мандельштам, 2009, с. 101).

«Мир старинной песни – “коричневый”, “зеленый” (ст. 5), цвета леса, деревьев. Это уже не метафорический “лес органа”, а лес, который раскачивает “лесной царь” (ст. 8). Здесь мы имеем дело с (метонимическими) переходами образов. С одной стороны, в придаточном предложении, обозначенном пространственно-временным местоименным наречием “где” (ст. 7), описывается интерьер, ландшафт мира “старинной песни”, с другой стороны, коричнево-зеленый цвет лип, которые раскачивает лесной царь, переходит и на сам “старинной песни мир”» [Киришбаум, 2010, с. 114].

Финал стихотворения Мандельштама – погружение в балладную природу. Жанр баллады осмысливается на фоне именно гётевского текста:

И сила страшная ночного возвращенья –
Та песня дикая, как черное вино:
Это двойник – пустое привиденье –
Бессмысленно глядит в холодное окно!
(Мандельштам, 2009, с. 102).

Возвращение Лесного царя, его шепот, его песня (уже после сочиненная Шубертом) – постоянный мотив баллад, в которых возвращается мертвый (часто обманутый) жених, дьявол прикидывается женихом и т. д. Поэтому рождается образ «двойника, пустого привиденья». Эта подмена, свойственная жанру баллады, – подмена мистическая, опасная и губительная для лирического героя.

В «Листках из дневника» А. Ахматова пишет: «Мандельштам часто заходил за мной, и мы ездили на извозчике по невероятным ухабам революционной зимы, среди знаменитых костров, которые горели чуть ли не до мая, слушая неизвестно откуда несущуюся ружейную трескотню. Так мы ездили на выступления в Академию Художеств, где происходили вечера в пользу раненых и где мы оба несколько раз выступали. Был со мной Осип Эмильевич и на концерте Бутомо-Названовой в консерватории, где она пела Шуберта (см. “Нам пели Шуберта...”» (Ахматова, 2005, с. 33).

Наконец, в знаменитом стихотворении Мандельштама «К немецкой речи» как такового Лесного царя нет. Более того, все возможные отсылки – скорее, к Жуковскому, чем к Гёте:

Моль *летит*⁴ на огонек полночный
(Мандельштам, 2009, с. 179) –

Dem Vater grauset's, er *reitet geschwind*...
(Goethe, 2003, с. 2) –

⁴ Курсив здесь и далее мой. – Е. К.

Ездок оробелый не скачет, летит
(Goethe, 2003, с. 3, пер. В. Жуковского) –

Дочери будут... играя, летая, тебя усыплять
(Там же, пер. В. Жуковского).

Мотив полета почти не обозначен у Гёте, немецкий поэт лишь акцентирует быструю езду, и дочери Лесного царя в его балладе не летают, они только «чудно... будут нянчить... убаюкают, упляшут, упоют» ребенка (Там же, с. 4, пер. М. Цветаевой). Зато у Жуковского скачка обращается ночным почти демоническим полетом – полетом-побегом от демона, превращающего коня и ездока практически в образ загнанного зверя, спасающегося от «дикого охотника»⁵. Лесные красавицы, подобно летящим ведьмам, грозят погрузить ребенка в страшный потусторонний сон. Мандельштам как будто подспудно подтягивает эти мотивы в свою «Немецкую речь», делая Гёте едва уловимым источником текста.

Важный мотив в стихотворении «К немецкой речи» – мотив сна («Я книгой был, которая вам снится» (Мандельштам, 2009, с. 179)). Однако сна как такового в балладе Гёте нет, это трактовка Жуковского – дочери, «усыпляющие» младенца. Но зато у Гёте значима тема коней – движущихся, скачущих: «Wer reitet so spät durch Nacht und Wind?.. / Dem Vater grauset's, er reitet geschwind... / Erreicht den Hof mit Mühe und Not» (Goethe, 2003, с. 2) (Кто так поздно скачет сквозь ветер и ночь?.. / Отцу жутко, он быстро скачет... / доскакал до двора» (Там же, с. 4) – в переводе М. Цветаевой).

Кони вплетаются в мотивную структуру «К немецкой речи»: «Слагались гимны, кони гарцевали / И, словно буквы, прыгали на месте» (Мандельштам, 2009, с. 179), превращаются в лирику, в буквы. Так вся немецкая культура проступает в русской поэзии, вплавляясь в ее плоть и кровь:

Чужая речь мне будет оболочкой,
И много прежде, чем я смел родиться,
Я буквой был, был виноградной строчкой,
Я книгой был, которая вам снится
(Мандельштам, 2009, с. 179).

Сам Гёте в тексте упомянут как пока не «пришедший»: «Еще во Франкфурте отцы зевали, / Еще о Гёте не было известий» (Там же), подобно и самому «не родившемуся» автору, существующему лишь в виде буквы, виноградной строчки, приснившейся книги. Это состояние «до», необыкновенно важное в лирике Мандельштама («Останься пеной, Афродита, / И, слово, в музыку вернись!» (Там же, с. 48)), становится источником творчества и созидания. И еще не написанный Гё-

⁵ На дальнем фоне слышится отсылка к *Дикой охоте* из европейского фольклора. Это группа призраков или сверхъестественных существ, вышедших на охотничий гон. Охотники, по разным версиям, могут быть либо эльфами, либо феями, либо мёртвыми, и лидером охоты часто является именованная фигура, связанная с Одином либо той или иной легендарной или исторической личностью, например, Теодорихом Великим. По скандинавской версии, бог Один со своей свитой носится по земле, собирая души людей. Если кто-либо встретится с ними, то попадет в иной мир, а если заговорит, то может погибнуть. В Британии, где также был распространен миф о Дикой охоте, бытует версия о том, что охоту возглавляет король или королева эльфов. Они могут похищать встретившихся детей и молодых людей, которые становятся в этом случае слугами эльфов.

те «Лесной царь» в стихотворении Мандельштама реверсирует во времени, отрицая линейность бытия и подчеркивая цикличность культуры, поворачиваясь, манит читателя в свободную от речи Валгаллу.

Список литературы

- Дутли Р. Век мой, зверь мой. Осип Мандельштам. Биография / Пер. с нем. К. Азадовского. СПб.: Академический проект, 2005. 432 с.
- Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. 408 с.
- Киришбаум Г. «Валгаллы белое вино». Немецкая тема в поэзии О. Мандельштама. М.: НЛО, 2010. 392 с.
- Корниенко С. А. И. В. Гёте в творческом восприятии акмеистов (Н. Гумилёв, О. Мандельштам, А. Ахматова): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 203 с.
- Сурат И. З. Яблоко простое // Литература. 2009. № 16, 16–31 авг. С. 21–25.

Список источников

- Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т. М.: Эллис Лак, 2001. Т. 5: Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. 800 с.
- Мандельштам Н. Я. Книга третья: Воспоминания. Paris: YMCA-Press, 1987. 335 с.
- Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. Т. 1: Стихотворения. 808 с.; 2010. Т. 2. Проза. 760 с.
- Goethe J. W. von. *Гёте И. В. Erlkönig. Лесной царь* (в переводе Василия Жуковского) с приложением статьи М. Цветаевой «Два “Лесных царя”». Москва; Augsburg: Im Werden Verlag, 2003. 8 с. (Литература на двух языках / Literatur in zwie Sprachen)

References

- Dutli R. Vek moy, zver' moy. Osip Mandelshtam. Biografiya [My age, my beast. Osip Mandelstam. Biography]. Trans. from German by K. Azadovsky. St. Petersburg, Akademicheskiiy proekt Publ., 2005, 432 p. (in Russ.)
- Kirshbaum G. "Valgally beloe vino". Nemetskaya tema v poezii O. Mandelshtama ["White wine of Valhalla". German theme in the poetry of O. Mandelstam]. Moscow, NLO Publ., 2010, 392 p. (in Russ.)
- Kornienko S. A. I. V. Gete v tvorcheskom vospriyatii akmeistov (N. Gumilev, O. Mandelshtam, A. Akhmatova) [I. V. Goethe in the creative perception of acmeists (N. Gumilyov, O. Mandelstam, A. Akhmatova)]. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2020, 203 p. (in Russ.)
- Surat I. Z. Yabloko prostoe [Apple is simple]. *Literatura [Literature]*, 2009, no. 16, August 16–31, pp. 21–25. (in Russ.)
- Zhirmunsky V. M. Teoriya literatury. Poetika. Stilistika [Theory of Literature. Poetics. Stylistics]. Leningrad, Nauka, 1977, 408 p. (in Russ.)

К 100-летию со дня рождения Юрия Николаевича Чумакова

List of Sources

Akhmatova A. A. Collected Works. In 6 vols. Moscow, Ellis Lak Publ., 2001, vol. 5: Biograficheskaya proza. Pro domo sua. Retsenzii. Interv'yu [Biographical prose. Pro domo sua. Reviews. Interview], 800 p. (in Russ.)

Goethe J. W. von. Erl-king. Trans. from German by Vasily Zhukovsky with the appendix of the article by M. Tsvetaeva "Two 'Forest kings'". Moscow, Augsburg, Im Werden Verlag Ltd., 2003, 8 p. (in Germ. and Russ.)

Mandelstam N. Ya. Kniga tret'ya: Vospominaniya [Book Three: Memories]. Paris, YMCA-Press Publ., 1987, 335 p. (in Russ.)

Mandelstam O. E. Full composition of writings and letters. In 3 vols. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2009, vol. 1: Poems, 808 p.; 2010, vol. 2: Prose, 760 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Юрьевна Куликова, доктор филологических наук
WoS Researcher ID K-6526-2017

Information about the Author

Elena Yu. Kulikova, Doctor of Sciences (Philology)
WoS Researcher ID K-6526-2017

*Статья поступила в редакцию 14.09.2022;
одобрена после рецензирования 10.10.2022; принята к публикации 10.10.2022
The article was submitted 14.09.2022;
approved after reviewing 10.10.2022; accepted for publication 10.10.2022*